

Критика идеи необходимости (как и принципов закономерности и всеобщности) отталкивается у Шестова от ее экзистенциального смысла принуждения, который философ находит еще у Аристотеля. Необходимость и закон превращают мир в непреодолимые для человека «каменные стены», которые бесполезно просить о воплощении заветного. Свобода воли, реализация творческого начала в управляемом неотвратимыми законами мире невозможны.

Шестов уверен, что приверженность основополагающим принципам классической философии обусловлена экзистенциальными по своей природе переживаниями страха перед новым и неизвестным, желанием спрятаться от негарантированности бытия. Принципы классического мышления помогают создать уютное, защищенное от неожиданностей мировосприятие. Ко всегда себе равному мирозданию можно приспособиться, научиться предсказывать события, и, быть может, даже управлять им. Но это произойдет лишь тогда (с иронией замечает Шестов), когда человек подчинится всем законам и необходимым и потеряет саму возможность обретения собственного Я и истинной гармонии с миром.

В заключение отметим, что шестовский радикализм по отношению к классической гносеологии не является отрицанием возможности и необходимости познавательной деятельности вообще. Шестов отвергает лишь возможность использования традиционных форм познания в философии, поскольку сущность последней, по его убеждению, базируется на экзистенциальных переживаниях человека и порождает опыт, который не может быть выражен с помощью научного исследования. Философ формирует свой идеал мышления, базирующийся на идее откровенного знания, которое по своей природе является мышлением о смыслах и ценностях, основанном на субъективных человеческих переживаниях и абсурдной вере в невозможное.

¹ Шестов Л. Соч. М., 1993. Т. 2. С. 22.

² Там же. С. 213.

³ Там же. Т. 1. С. 282.

⁴ Там же. Т. 2. С. 95.

⁵ Там же. С. 305 — 306.

⁶ Там же. С. 202.

⁷ Там же. Т. 1. С. 351.

⁸ Там же. С. 36.

Ф. В. ПЕКАРСКИЙ

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

О философских основаниях поэтики Велимира Хлебникова (1885–1922) говорят очень мало. Тем не менее это оригинальный мыслитель, создавший разветвленную философскую систему, где философия языка тесно связана с философией истории и базируется на концепции будущего как креативной составляющей культуры.

Поэтические концепции В. Хлебникова, на первый взгляд, экзотичны, «нелюдобы» для принятия их в качестве ориентиров творчества вне контекста мировоззрения поэта. В этой связи первостепенной задачей является реконструкция философских основ его поэтики, которые афористично сформулированы самим Хлебниковым: «Я помнил слова седого жреца: «У вас три осады: осада времени, слова и множеств»¹.

Согласно идеям В. Хлебникова, история — вереница повторяющихся событий, равноотделенных друг от друга числом лет. Эти временные промежутки строго заданы Роком и являются проявлением фатальности Мирового Единства. Столь же, как исторические события и явления, взаимодетерминированы и взаимосвязаны предметы вещественного, пространственного мира. Их связь обеспечивается языком.

Мир для В. Хлебникова, если следовать современной терминологии, представляется «миром текстов». Изначальное единство природного и социального, органического и неорганического, «Единого» и «Множественного» имеется и проявляется, согласно основной идее мыслителя, уже в их различности. Дискретные «тексты», полярно противоположные, одновременно задают собой метакультурное поле, «сочетаясь в простейшие чертежи так, что лишь одно-временное существование нескольких чертежей создает кажущуюся путаницу и неясность». «Язык так же мудр, как и природа, и мы только с ростом науки учимся читать его»², — утверждал В. Хлебников. Уже в ранних работах, посвященных языковой проблематике, поэт декларирует: «Слово управляет мозгом, мозг — руками, руки — царствами. Мост к самовитому царству — самовитая

речь... Слово имеет тройственную природу слуха, ума и пути для рока... Это было открыто языку заговоров — рок в двух значениях... слово и судьба»³.

В. Хлебников неоднократно подчеркивал, что «стихи должны строиться по законам Дарвина»⁴. Это один из главных пунктов его поэтической программы. Тем более, что суть хлебниковского подхода к слову такова: «Речи — здания из глыб пространства. Частицы речи — части движения. Слова — нет, есть движения в пространстве и его части — точек, площадей... Плоскости, прямые площади, удары точек, божественный круг, угол падения, пучок лучей прочь из точки и в нее — вот тайные глыбы языка. Поскоблите язык — и вы увидите пространство и его шкуру»⁵.

Выделяя «пласты» русского языка, поэт на пути разработки концепции «заумного» языка таких «пластов» насчитал пятьдесят три. Среди них: Числослов, Звукопись, Словотворчество, Разложение слова, Иностранные слова, Даль (словарь), Жестокие слова, Нежные слова, Косое созвучие, Целинные созвучия, Выхихи слова, Перевертень, Народные слова, Общеславянские слова, Звездный язык, Вращение слова, Бурный язык, Безумные слова, Тайные слова и др.

В 1921 г. А. Крученых, Г. Петников и В. Хлебников опубликовали «Декларацию заумного языка», где, в частности, утверждалось: «Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятиям), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определенного значения (не застывшим), *заумным*. Общий язык связывает, свободный позволяет выразиться полнее (пример: го оснег кайд и т. д.)».

Заумь — первоначальная (исторически и индивидуально) форма поэзии... Заумные теории могут дать всемирный поэтический язык, рожденный органически, а не искусственно, как эсперанто»⁶. Это исходный пункт концепции В. Хлебникова.

Принимая гегелевский тезис «мышление — бытие», уходящий своими корнями в теории первых античных философов, поэт констатирует: «Пространство звучит через Азбуку»⁷. Развивая свою идею, В. Хлебников утверждает, что когда-то языки объединяли людей, это было на первом этапе формирования мировых языков на основе принципов, впоследствии названных «заумными». Теперь же «языки как таковые служат разъединению человечества и ведут призрачные войны»⁸. Вернуть давно утраченное единство человечества можно, создав единый мировой язык, который будет языком «заумным» в своем основании.

Есть и другая причина, обуславливающая необходимость создания единого мирового «заумного» языка. Она коренится в наблюдаемом сегодня отсутствии «чистоты смыслов слова». Самовитое (самоценное) слово в «заумной» интерпретации, по Хлебникову, сохраняет первоначальную чистоту языка: «Слово делится на чистое и на бытовое. Можно думать, что в нем скрыт ночной звездный разум и дневной солнечный. Это потому, что какое-нибудь одно бытовое значение слова так же закрывает все остальные его значения, как днем исчезают светила звездной ночи. Но для небоведа солнце — такая же пылинка, как и все остальные звезды. И это простой быт, это случай, что мы находимся именно около данного солнца. И солнце ничем не отличается от других звезд. Отделяясь от бытового языка, самовитое слово так же отличается от живого, как вращение земли кругом солнца отличается от бытового вращения солнца кругом земли. Самовитое слово отрешается от признаков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки»⁹.

Памятуя о том, что неудачно построенное слово наносит огромный вред языку, В. Хлебников осторожен в поисках «самовитого» слова. Он предупреждает своих последователей и постоянно напоминает самому себе, что «слабое и непонятное слово может разрушить мир»¹⁰.

Поэт призывает рассматривать слово, которое всегда самоценно, «самовито», не как средство, а как самоцель. Достигаться это должно через «словотворчество» — художественную практику, освобождающую смысловую наполненность языка, все многообразие слов и значений которого исходит из его основных звуков, их телеологических характеристик и комбинаторики.

В русском языке он выделяет 28 звуков, которые называет «семенами слова», «зернами языка». Словотворчество «взрывает» их «глухонемые пласты», поскольку «азбука, общая для многих народов, есть краткий словарь пространственного мира».

«Первый путь словотворчества» в поэтике В. Хлебникова состоит в том, что, «заменяв в старом слове один звук другим, мы сразу создаем путь из одной долины языка в другую, и как путеводцы, пролагаем пути сообщения через хребты языкового молчания»¹¹.

«Другой путь словотворчества» — это «внутреннее склонение слов». Оно заключается в том, что не только слово в целом склоняется по падежам, но, что особенно важно, склоняются корни слов, придавая возникающим при таком «внутреннем склонении» словам обратные по отношению к исходному значения.

Например: «бык» есть то, откуда следует ждать удара, а «бок» — то место, куда следует направлять удар...

«Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращения всех славянских слов одно в другое, свободно плавить славянские слова — вот мое первое отношение к слову... Увидя, что корни лишь признаки, за которыми стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единичной азбуки, — мое второе отношение к слову. Путь к мировому заумному языку»¹², — провозглашает В. Хлебников в автобиографической статье «Свояси». Так, поэт концентрирует свое внимание на непосредственных связях звуков и выражаемых ими смыслов. Эти связи от языка не зависят, — внутренний телеологизм присущ каждому звуку речи априори. Тем не менее В. Хлебников при выявлении основных телеологических функций согласных звуков русского языка пользуется не интуитивными изысканиями, как А. Крученых, и не мистическими откровениями, как сектанты Нового времени, а особым «научно-символическим» методом (А. Туфанов), определяя звуко-смысловые связи внутри одного языка через подбор неоднотипных слов, начинающихся с одной и той же буквы или содержащих одно и то же звуко сочетание.

В. Хлебников приводит следующую дефиницию: «Заумный язык — значит находящийся за пределами разума... То, что в заклинаниях, заговорах заумный язык господствует и вытесняет разумный, доказывает, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным...

Мы не знаем, какое значение имеет для целого слова каждый отдельный звук. Но если собрать все слова с первым звуком Ч (чаша, череп, чан, чулок и т. д.), то все остальные звуки друг друга уничтожат, и то общее значение, какое есть у этих слов, и будет значением Ч. Сравнивая эти слова на Ч, мы видим, что все они значат «одно тело в оболочке другого»; Ч — значит «оболочка». И таким образом заумный язык перестает быть заумным. Он делается игрой на осознанной нами азбуке — новым искусством, у порога которого мы стоим»¹³. В. Хлебников не случайно применяет термин «игра» по отношению к словесному творчеству. Поэт исходит из самоочевидной посылки, что значение естественного, «бытового» языка нам, участникам словесной «игры», понятно. Так, ребенок во время своей игры может изобразить, что тряпичная кукла в его руках, набор разноцветных тряпочек, не что иное, как живой человек; что стул, на котором он сидит, есть настоящий кровный конь... В устной и письменной речи планета Солнце легко заменяется нами маленьким словом, «словесной итрусхой» «солнце». Если настоящее исчезнет, а останется только слово «солнце», говорит В. Хлебников, то оно никак не сможет исполнить ни одной из присущих ему функций. Подытоживая эти рассуждения, он делает вывод: словесное творчество и язык вообще — это «игра в куклы». «Люди, говорящие на одном языке, — участники этой игры. Для людей, говорящих на другом языке, такие звуковые куклы — просто собрание звуковых тряпочек. Итак, слово — звуковая кукла, словарь — собрание итрусек»¹⁴. Вслед за этим В. Хлебников говорит о тех словах, которые не принадлежат ни какому языку, но в то же время «что-то говорят, что-то неуловимое, но все-таки существующее», — свободные словосочетания, — они прямо ничего не дают сознанию, т. е. не годятся в обыденном смысле для «игры в куклы», названы «заумным» языком. В. Хлебников подчеркивает, что подобные слова широко представлены в языке заговоров и заклинаний, где им приписывается наибольшая власть над судьбой человека.

В философии языка В. Хлебникова можно выделить следующие основополагающие принципы:

- Слово необходимо рассматривать не как средство, а как самоцель. Слово всегда самоценно;

- «Научно-символическим» методом выявляется телеологическая функция первой (основной) согласной буквы слова;

- Первая буква в слове «управляет» остальными, подчиняя их себе;

- Знание основ словотворчества позволяет создать «чистый», «заумный» язык, в котором отражается пространственная структура мира;

- Словесная практика, язык представляют собой «игру в куклы».

В философии истории В. Хлебникова концепция исторического времени раскрывается через понятия: «лучи свободы», «лучи падения государств», «лучи захватнических походов», «лучи падения господствующих идей», «лучи морских битв»... Философия языка В. Хлебникова также опирается на положение, что языку присущ «лучевой взгляд на жизнь»¹⁵. В первом случае «будетлянин» подчеркивал, что в историческом времени представлены одновременно несколько магистральных векторов фатальной последовательности исторических событий как на уровне жизни отдельного индивида, так и на уровне социума в целом. Во втором случае В. Хлебников говорит о телеологических характеристиках фонем. И в обоих случаях он утверждает, не доказывая, что исходная точка векторов творчества и исторического времени — будущее. Именно исходя из этого контекста, следует понимать такое высказывание поэта: «Вдохновение есть

(пробежавший) ток ото всего ко мне, а творчество есть обратный ток от меня ко всему»¹⁶.

Влияние творчества Велимира Хлебникова на русскую и мировую культуру XX в. пока достаточно не оценено. Многие новации поэта столь органично вошли в нашу речь, что ссылка на первоисточник зачастую вызывает неподдельное удивление. Иная судьба у хлебниковской концепции заумного языка.

¹ Хлебников В. Собрание произведений. Л., 1931. Т. 4. С. 82.

² Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 586; 625.

³ Хлебников В. Собрание произведений. Л., 1933. Т. 5. С. 188–189.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Хлебников В. Зангези. М., 1992. С. 44.

⁶ В Политехническом «Вечер новой поэзии»: Стихи участников поэтических вечеров в Политехническом, 1917–1923. Статьи. Манифесты. Воспоминания. М., 1987. С. 324–325.

⁷ Хлебников В. Зангези. С. 38.

⁸ Хлебников В. Творения. С. 621.

⁹ Там же. С. 624.

¹⁰ Хлебников В. Собрание произведений. Т. 5. С. 266.

¹¹ Хлебников В. Творения. С. 622; 624.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Там же. С. 628.

¹⁴ Там же. С. 627–628.

¹⁵ Хлебников В. Собрание произведений. Т. 5. С. 209.

¹⁶ Дуганов Р. В. Велимир Хлебников: природа творчества. М., 1990. С. 86.

А. А. ГОРНЫХ

ПРОБЛЕМА ТЕКСТА: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Текст как растражированный концепт включает в себя довольно нестрогий набор презумпций «постиндивидуального» модуса существования человека: выделение в рамках языкового онтологизма особой, безначальной «сети» генерации значений без цели и без центра (основной идеи, общей формулы, Автора), сведение к которым задавало каноны классической критики и, шире, философии; указание на анонимность и фрагментарность значений, пронизывающих весь массив человеческого опыта от повседневного обитания до художественного творчества; акцентировка силовых отношений, «формирующих» индивида, и т. д. В данной статье конкретизируется психоаналитическое преломление проблематики текста в сопоставительном анализе идей З. Фрейда и основателя «Парижской школы фрейдизма», автора так называемого структурного психоанализа, Ж. Лакана.

В начале уместно остановиться на смысле лакановского «возвращения» к Фрейду, декларируемого как общий лозунг всего структурного психоанализа. Отношения этих двух школ, конечно, нельзя прописать в простых терминах сохранения, очищения, канонизации доктрины учителя правоверным учеником. Существенным различием двух направлений является такой принципиальный момент, как трактовка символа. Символ, по Лакану, не определяется ни из оппозиции к аллегории как троп, ни противопоставлением буквальному иносказательного смысла вообще. Лакан сходится с Фрейдом в том, что в письменности сновидений мы имеем дело с бессознательным, с «посланиями Другого», но эти послания для Лакана не имеют фиксированного символического кода по типу юнгианского символизма. Пересмотр такого понимания символа осуществлен в работах К. Леви-Стросса, но еще раньше М. Мосс (1923) показал, как дары, которыми обмениваются в примитивных племенах, становятся символами самого акта обмена, т. е. не символизируют ничего ни сами по себе, ни по отношению к тому, что они репрезентируют в различных референциях. Следуя этой антропологической традиции, Лакан определяет символ как элемент закрытой системы, которая приобретает значение только в своих взаимоотношениях с другими элементами этой системы. Если фрейдовские «дома», «башни», «сигары» и т. д. составляли визуальный, образный код (в данном случае фаллический), укорененный в коллективном опыте, то лакановское понятие «фаллоса» — не образ, ни тем более часть тела, но всегда индивидуальное означающее. Символическое как бы разворачивает потенцированное Воображаемое через метонимию в частности. С формально-риторическим механизмом этого тропа совпадает алгоритм бессознательного — табуированный или запрещенный объект замещается, переносится на другой образ, посредством которого впредь субъект будет дотягиваться до желанного объекта (по типу того, как отец (биологический) — через языковую проработку — замещается Именем Отца, что позволяет ребенку занять его